

**ГАНС
ХРИСТИАН
АНДЕРСЕН**

ДОМОВОЙ И ХОЗЯЙКА

Ганс Христиан Андерсен Домовой и хозяйка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25022165

Аннотация

«Ты знаешь домового, а хозяйку знаешь? Жену садовника? Она была начитана, знала наизусть много стихов и даже бойко сочиняла их сама. Вот только рифмы, «спайки» – как она их называла – давались ей не без труда. Да, у неё был и писательский талант и ораторский; она могла бы быть хоть пастором, по крайней мере – пасторшею!..»

Ганс Христиан Андерсен

Домовой и хозяйка

Ты знаешь домового, а хозяйку знаешь? Жену садовника? Она была начитана, знала наизусть много стихов и даже бойко сочиняла их сама. Вот только рифмы, «спайки» – как она их называла – давались ей не без труда. Да, у неё был и писательский талант и ораторский; она могла бы быть хоть пастором, по крайней мере – пасторшею!

– Как хороша земля в воскресном уборе! – сказала она и поспешила облечь эту мысль в стихи со «спайками», очень красивые и длинные.

Семинарист, господин Киссеруп, – имя тут, впрочем, ни при чём – сын сестры садовника, гостивший у них, услышал стихи хозяйки и заявил, что они очень, очень хороши!

– Да, на вас лежит печать гения, сударыня! – прибавил он.

– Экий вздор! – сказал садовник. – Не вбивайте ей ничего такого в голову! Женщина прежде всего должна обладать наружностью, приличною наружностью, и дело её – смотреть за тем, чтобы каша в горшке не прикипела, да не подгорела!

– Пригар я очищу древесным углём! – ответила жена: – А накипь на душе у тебя сниму поцелуем! Подумаешь, право, что у тебя на уме одна капуста, да картофель, а ты, ведь, любишь и цветы! – И она поцеловала его. – Цветы, это и есть поэзия! – прибавила она.

– Смотри за кашей! – повторил он и ушёл в сад, – у него была своя каша, за которую следовало смотреть.

А семинарист остался сидеть с хозяйкой. Её слова: «Как хороша земля!» он развил в целую проповедь – в своём духе.

– Земля прекрасна; «наследуйте землю», было сказано людям, и они стали господами на земле. Один добился этого, благодаря своим духовным дарованиям, другой – физическим; один был пущен в свет вопросительно-восклицательным знаком, другой многоточием, так что невольно спрашиваешь: зачем он в сущности явился? Один становится епископом, другой остаётся бедным семинаристом, но всё на свете устроено одинаково премудро. Земля прекрасна и всегда в праздничном уборе! Это стихотворение пробуждает столько дум, сударыня! Оно полно чувства и знания географии.

– На вас тоже лежит печать гения! – заметила хозяйка. – Уверяю вас! Беседуя с вами, начинаешь ясно понимать себя!

И они продолжали беседу в том же прекрасном, возвышенном духе. А в кухне тоже кто-то вёл беседу – домовый! Домовой в сером балахоне и красненькой шапочке. Ты знаешь его! Он был в кухне, обозревал там горшки. Он тоже говорил, но его никто не слушал, кроме большого чёрного кота, «сливкокрада», как величала его хозяйка.

А на неё домовый был очень сердит, – он знал, что она не верит в его существование. Правда, она и не видала его никогда, но всё же была, кажется, достаточно просвещена, что-

бы знать о его существовании и оказывать ему хоть некоторое внимание. Ей вот, небось, не приходило на ум угостить его в сочельник хоть ложкой каши! А её получали все его предки, даром что хозяйки их были совсем неучёные! И какую кашу! Она так и плавала в масле и в сливках!

У кота даже слюнки потекли при одном упоминании о ней.

– Она называет меня «понятием»! – говорил домовой. – Ну, это выше всех моих понятий. Она прямо таки отрицает моё существование. Я уж раз подслушал её речи и теперь опять хочу пойти подслушивать. Ишь, сидит и шушукается там с этим «секутором», семинаристом! А я повторю за хозяином: «Смотри лучше за кашей!» Но она и не думает об этом. Постой же, я заставлю кашу кипеть через край! – И домовой раздул огонь. У! как зашипело, загорелось! Каша так и побежала из горшка. – А теперь пойду и понаделаю дыр в чулках хозяина! – продолжал он. – Больших дыр и в пятках, и в носках. Будет ей тогда чем заняться, если останется досуг от рифмоплётства! Штопай-ка лучше мужнины чулки, сударыня-поэтесса!

Кот в ответ на это чихнул; он простудился, хоть и ходил в шубе.

– Я открыл дверь в кладовую! – сказал домовой. – Там стоят кипячёные сливки, густые, что твой кисель! Хочешь вылакать? Не то я сам вылакаю!

– Нет, уж коли терпеть побои, так было бы за что! Я вы-

лакаю! – ответил кот.

– Потешь язычок, а потом тебе почешут спинку! – сказал домовой. – Теперь я пойду в комнату семинариста, повешу его подтяжки на зеркало, а носки суну в умывальный таз с водою, – пусть думает, что пунш был чересчур крепок, и что у него в голове шумело. Сегодня ночью я сидел на дровах возле собачьей конуры. Мне ужасно нравится дразнить цепную собаку, я и давай болтать ногами. Собака, как ни прыгала, не могла достать до них, злилась и лаяла. А я-то себе болтаю да болтаю ногами! То-то потеха была! Семинарист проснулся от шума, три раза вставал с постели и смотрел в окно, но меня-то уж ему не увидеть, даром что он в очках. Он и спит в них!

– Ты мяукни, когда хозяйка придёт! – сказал кот. – А то я не услышу, – я сегодня болен.

– Язычком ты болен, вот что! Ну, лакай – выздоравливай скорее! Только оботри рыльце, а то сливки с усов каплют. Ну, а теперь я пойду подслушивать.

И домовой подкрался к двери, а дверь-то стояла полуотворённой. В комнате не было никого, кроме хозяйки и семинариста. Они говорили о том, что семинарист так прекрасно называл «печатью гения» и ставил выше всяких горшков и каш в любом хозяйстве.

– Господин Киссеруп! – начала хозяйка. – Я хочу воспользоваться случаем, показать вам что-то, чего ещё не показывала ни единой живой душе, особенно мужчине, – мои

маленькие стишки. Некоторые из них, впрочем, несколько длинноваты! Я назвала их «спайки дщери Дании»; я, знаете, люблю больше старинные слова.

– Так и подобает! – сказал семинарист. – Немецкие же слова следует совсем изгнать из языка.

– Вот, я так и делаю! Я никогда не говорю «Kleiner» или «Butterdeig», а всегда «лепёшки» и «сдобное тесто».

И она вынула из ящика стола тетрадь в светло-зелёной обложке, на которой красовались два клякса.

– В этой тетрадке очень много серьёзного! – сказала она. – Меня всё больше тянет к печальному. Вот «Ночные вздохи», «Моя вечерняя заря», вот «Наконец, я твоя, мой Клемен!» Это стихотворение посвящено моему мужу, но его можно пропустить, хотя оно и очень прочувствовано и продумано. Вот «Обязанности хозяйки» – это лучшая вещь! Но все стихи грустны, – в этом моя сила. Тут есть только одна вещь в шутовском духе. Я излила в ней свои весёлые мысли – находят на человека и такие – мысли о... Да вы не смейтесь надо мною! Мысли о положении поэтессы! До сих пор об этом знала только я, да мой ящик, а теперь узнаете вот вы. Я люблю поэзию, и на меня часто находит поэтическое настроение. В такие минуты я сама не своя. Всё это я и высказала в «Крошке Домовом!» Вы, ведь, знаете старинное народное поверье о домашнем духе, который вечно проказит в доме? И вот, я изобразила себя домом, а поэзию, волнуящее меня поэтическое настроение – домовым. Я воспела могущество и

величие «Крошки Домового!» Но вы должны дать мне слово никогда не проговориться об этом моему мужу или кому бы то ни было. Читайте вслух, – я хочу видеть, разбираете ли вы мой почерк!

И семинарист читал, а хозяйка слушала; слушал и домовый. Он, ведь, как ты знаешь, собирался подслушивать и пошёл как раз в ту минуту, когда прочли заглавие «Крошка-Домовой».

– Э, да дело-то идёт обо мне! – сказал он. – Что она могла написать обо мне? Постой же, дойму я тебя! Буду воровать у тебя яйца, цыплят, выгонять жир из телёнка! Вот что, сударыня-хозяйюшка! Скажите пожалуйста!

И он наострил уши. Но вот он слышит о величии и могуществе домового, о его власти над хозяйкой, – она, ведь, подразумевала под домовым поэтическое настроение, но домовый понял всё это буквально – и лицо его стало расплываться в улыбку, глазки заблестели от удовольствия, губы сложились в важную мину; он даже невольно привстал на цыпочки и вырос на целый вершок! Ах, он был в таком восторге от всего сказанного о «Крошке Домовом»!

– А в хозяйке-то и впрямь сидит гений! И как она образована! Я был ужасно несправедлив к ней! Она поместила меня в свои «спайки»; их напечатают и прочтут!.. Ну, уж полно теперь коту лакать хозяйкины сливки, – я сам буду лакать их! Один всё же выпьет меньше, чем двое, вот и экономия! Я и буду теперь соблюдать её, буду почитать и уважать хозяйку!

«Сколько, однако, в нём человеческого!» подумал старый кот. «Стоило хозяйке польстивее мяукнуть ему, и он сейчас запел на иной лад! Хитра она, хозяйка-то!»

Но она вовсе не была хитра; хитёр-то был домовый, – в нём было много человеческого!

Если ты не понимаешь этой истории, то попроси объяснения – только не у домового, да и не у хозяйки.